

Современный кризис российской власти

*А.Г.Здравомыслов,
доктор философских наук,
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем*

Власть и общество: кризис 90-х годов

Проблема "Власти и Общества" в массовом сознании и в социологической теории

Понятия "Власть", "Общество", "Личность", избранные в качестве ключевых для настоящего симпозиума, являются предельно широкими социологическими категориями¹. Вместе с тем это (особенно два первых) укоренившиеся в массовом сознании понятия. В массовом сознании 90-х годов "Власть" — это инстанция субъектности и ответственности, она как бы изобретена для того, чтобы отвечать на вопрос "Кто виноват?". Именно "Власть" "во всем виновата". Власть — это "Они", которые стоят над "Нами" с пряником и кнутом (на разных этапах в разной пропорции) и вынуждают "Нас" делать то, что "Им" хочется. А "Мы" — это "Общество", которое всегда право по отношению к власти, ибо Общество — некоторая субстанция или почва, на которой произрастает Власть. Политический строй при этом отвечает на вопрос: "Существует ли Власть для Общества или Общество существует для Власти?" Общество — это Народ, определенным образом структурированный. Демократическое устройство характеризуется приоритетом Общества по отношению к Власти. Здесь основное отношение между Властью и Обществом состоит в том, что Власть обязана "выражать интересы народа или общества". Она оценивается в массовом сознании именно с этой точки зрения и в этой формулировке (хорошая Власть действует в интересах Общества и Народа, плохая — вопреки интересам того и другого). При этом массовое сознание сталкивается с некоторой проблемой, которая переносится в область постоянной дискуссии — "Почему и каким образом Власть, выражая

---

¹ Социологическое сообщество стало разрабатывать тему "Власть и общество в постсоветский период" на конференции "Многообразие интересов и институты власти". М.: Луч, 1994; см. также. *Здравомыслов А.* Власть и общество // Социологический журнал. 1994. № 2.

Интересы Общества (Общественного прогресса), наносит ущерб Интересам Народа?" Для ответа на этот вопрос, как правило, используется понятие "Революция" (табуированное в современном российском политическом лексиконе). В рамках такой теоретической конструкции Народ оказывается носителем консервативного начала в Обществе, а Власть — двигателем Прогресса, подчас антинародного.

Эта точка зрения существует не только в массовом сознании, но и в ряде научных дисциплин, в том числе и в исторической науке. Например, под этим углом зрения оцениваются Петровские реформы, Октябрьская революция 1917 г. (катастрофа — в иной терминологии).

В политологии эта же концепция приводит к различению тоталитаризма и демократии. Тоталитаризм — такая организация всех общественных отношений, которая обеспечивает полное (тотальное) подчинение Народа и Личности интересам Власти. Демократия — такая организация Власти, которая обеспечивает функционирование Власти в интересах Общества и Народа. Такого рода формулы оказываются методологически значимыми в том смысле, что они работают как своего рода базовые категории теоретического и политического дискурса. Это — система координат (frame of reference), с помощью которой формулируются все остальные исторически и политически значимые суждения и оценки.

Касаясь вопроса о соотношении исторического и социологического знания в трактовке исследуемых понятий, стоит напомнить латинское изречение: "Quod licet Jovi, non licet bovi"¹. Историк может себе позволить рассуждать с позиции: "Все возвращается на круги своя", и предлагает конструкции, основанные на аналогиях. Социологу это не позволено. *Социологическое мышление ориентировано на выяснение уникальности момента с помощью определения специфики субъекта действия в пределах данного исторического отрезка времени, обозначаемого как современность.* Социология в своих аналитических построениях должна идти дальше, чем массовое сознание, историческая наука и даже политология. В силу этого наблюдается еще одно различие между историей и социологией. История имеет дело с тем, что уже состоялось, с реальностью, зафиксированной в прошлом. Время необратимо, прошедшее можно по-разному интерпретировать, но изменить нельзя. Социолог же анализирует то, что становится в данный момент, что еще не стало окончательно, что содержит в себе в данный момент разные возможности и варианты развития.

Следует констатировать, что проработка вопросов, связанных с выяснением взаимоотношения Власти и Общества, шла в социологии с момента ее вычленения в самостоятельную область знания. В рамках социологии возникла классовая концепция власти, которая определяет власть (государство) как совокупность институтов, выражающих интересы господствующего класса (марксистская

---

¹ "Что позволено Юпитеру, то не позволено быку".

традиция в социологии). Большое место в данной теории занимает концепция отчуждения власти от общества¹.

М.Вебер уточняет марксистский анализ с помощью концепции государства как органа легитимного насилия, которое предполагает определенную степень согласия общества с действиями государства. Отсюда возникает понятие политического класса как правящего слоя общества и политической элиты как актуализировавшейся части политического класса. Политическую власть М.Вебер отделяет от власти экономической (хозяйственной), опираясь на анализ политики как специфического рода деятельности, апеллирующего всегда к интересам общества, народа, государства, нации².

Э.Дюркгейм сосредоточивает внимание на вопросе о роли коллективных представлений, которые рассматриваются им как "социальные факты" особого рода. Благодаря этому вводится новый ракурс в рассмотрение проблематики общества и власти³.

У Т.Парсонса власть связана с политической подсистемой, специфика которой состоит в целеполагании по отношению к обществу в целом. Кроме того, по Парсонсу, власть представляет собой генерализацию всех (любых) общественных отношений. Это своего рода генерализованный язык, который понятен всем членам общества и всем социальным группам. Он обеспечивает функционирование политических отношений точно так же, как деньги обеспечивают функционирование отношений экономических.

Наконец, современный анализ проблематики власти вряд ли может быть осуществлен без понятия поля политики, разработанного другим французским социологом — П.Бурдьё⁴. В поле политики осуществляется воспроизводство и обмен различных форм политического и символического капитала, которые и представляют собой необходимое условие существования власти. Для понимания взаимодействия Власти и Общества особое значение имеет вопрос о возможностях пересечения поля политики с полем экономики и культуры.

---

¹ Эта концепция использована Н.И.Лапиным для анализа кризисных отношений между властью и обществом в советский период. (См.: *Лапин Н.И.* Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.)

² См.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.

³ *Durkheim E.* Society and Individual Consciousness // *Theories of Society* / Ed. T.Parsons. N.Y., 1962. Vol. 2. P. 720. Н.Е.Локровский обращает внимание на иной момент в наследии Э.Дюркгейма — на возможность анализа российского общества сквозь призму категорий нормы и аномии. (См.: *Покровский Н.Е.* От кризиса ценностей к обретению нравственных ориентиров // *Россия: Поиск пути.* М. Научная книга, 1999. С. 7-20.)

⁴ *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. "Поле политики является исторически сложившимся пространством политической игры с ее специфическими целями и интересами, собственными законами функционирования... это поле можно характеризовать также и как пространство власти, пространство политических позиций и практик, политическое производство и т.п." (*Качанов Ю.Л.* Производство политического поля в современной России // *Социс.* 1997. № 11. С. 5.)

Постановка и обсуждение названных проблем в современной социологической литературе позволяет понять природу взаимоотношений между Властью и Обществом более глубоко и разносторонне, нежели это можно было сделать в XIX в. Классовое содержание власти — защита и выражение классовых интересов — лишь один из моментов, необходимых для понимания проблемы. Классическое понимание власти сопряжено с традицией экономического детерминизма, так как сами классы или иные "общественные силы, определяющие политическую борьбу", структурированы экономически и руководствуются экономическими материальными интересами. (Большая часть российской публицистики и политической аналитики остается в плену этих представлений.)

Основной упор социологией XX в. сделан на такие проблемы, получившие особый смысл именно в этом столетии, как:

1) углубление представлений о политике как системообразующей сфере деятельности по отношению к обществу. Это связано с преодолением экономического детерминизма в объяснении взаимодействия Общества и Власти, равно как и с преодолением утилитаристского подхода к пониманию мотивации поведения человека,

2) анализ механизмов согласия (принятия власти), которые задаются в значительной степени состоянием культурного поля. Здесь особое значение приобретают коллективные представления о рациональности и легитимности властных институтов;

3) выявление трансформации инструментов осуществления властного господства: от прямого насилия как "записи на теле" к значению всеобщей письменности и всеобщего образования как условий функционирования институтов демократии, равно как и роли биографии для становления личностного самосознания;

4) подчеркивание специфики политического капитала как ресурса власти в обществе, использующего экономического и символический капитал для своего самоутверждения;

5) выделение специального крута проблем, связанных с насильем как совокупностью практик, осуществляемых не только государством, но и проникающих в культуру повседневного общения.

Иррационализация политической реальности в период реформ

Обратим внимание на ряд событий, последовательность которых меняла структуру российского поля политики на протяжении полутора десятка лет.

Точкой отсчета является провозглашение перестройки, демократизации и гласности в 1987 г. За революционной фразеологией вскоре последовали и весьма радикальные изменения в институтах власти: первый съезд народных депутатов (весна 1989 г.), отмена 6-й статьи Конституции СССР, возникновение института президентства в масштабах Союза, попытка переключить систему управления страной с

партийных структур на более демократические органы советской власти, использование силовых практик в национально-этнических конфликтах. Одновременно в стране возникает антикоммунистически ориентированное массовое демократическое движение.

В ходе выборов новая демократия одерживает ряд внушительных побед над КПСС и ее кандидатами. Получив российского вожда в лице Б.Ельцина, демократы форсируют распад СССР (8 декабря 1991 г.), что приводит не только к изменению политического режима внутри страны, но и к изменению политической карты мира. В результате этой революции создается новая политическая реальность, возникает новая страна — Россия, которой еще предстояло самоопределиться.

Следующий этап (1991-1993 гг.) характеризуется борьбой за выбор основного вектора развития Российской Федерации, закончившийся расстрелом Верховного Совета (4 октября 1993 г.) и выборами первого состава Государственной Думы с одновременным референдумом по новой Конституции РФ (декабрь 1993 г.)¹. Затем наступают: первый этап чеченского кризиса (1994-1996 гг.); избирательная кампания и президентские выборы 1996 г.; отставка правительства В.Черномырдина (23 марта 1998 г.); августовский кризис 1998 г.; новый виток правительственной чехарды — на смену правительству В.Кириенко (23 марта — 24 августа 1998 г.) на короткое время вновь приходит В.Черномырдин, не получивший поддержки Думы (24 августа — 10 сентября 1999 г.), затем следуют Е.Примаков (24 августа 1998 г. — 12 мая 1999 г.), С.Степашин (12 мая — 9 августа 1999 г.) и, наконец, В.Путин, объявленный одновременно с назначением главой правительства преемником Президента РФ (9 августа 1999 г.)²; второй этап чеченского кризиса, радикально отличающийся от первого (август 1999 г. по настоящее время).

---

¹ Проведение референдума по проекту новой Конституции РФ через несколько недель после расстрела парламента было гениальной находкой ельцинского режима. Несмотря на определенную ущербность результатов голосования (см.: *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 153), были определены легитимные рамки российской государственности и политического процесса. В Конституции РФ декларировался приоритет гражданских прав, были сформулированы принципы федеративного устройства России, определила структуру власти и ритм основных демократических процедур — президентских выборов и выборов в Государственную Думу. Добровольное сложение с себя президентских полномочий Б.Ельциным 31 декабря 1999 г. показало, что принятые конституционные положения не являлись пустой формальностью.

² За всеми этими правительственными перестановками просматривается попытка оптимальным способом, с точки зрения Б.Ельцина, решить вопрос о преемственности власти. Можно даже просчитать некоторые критерии, которыми руководствовался действующий Президент. Преемником должен стать человек нового поколения, который бы по возрастным параметрам не оторгался от клуба руководителей в мировом сообществе, он должен быть государственным, обладающим решительностью и сильной волей для противостояния различным влияниям, он должен быть современным политиком, обладающим значительным культурным капиталом, и, наконец, он должен гарантировать преемственность по отношению к ельцинскому режиму.

Охарактеризованная выше совокупность событий представляет собой результат развертывания серии внутренних конфликтов, вызревавших еще в рамках советского общества и трансформировавшихся в новых условиях. Подчеркнем еще раз, что постсоветское политическое пространство изменялось на основе многополюсного (а не двухполюсного) конфликта. Кроме того, ни одна из сторон, участвовавших в конфликте, не имела четкого плана действий: каждая лишь реагировала на действия противоположной стороны. Именно поэтому ход событий, наблюдавшийся на протяжении последних 15 лет, был стихийным и непредсказуемым, решающую роль приобретали здесь случайные обстоятельства, личные качества руководителей, и в первую очередь Б.Ельцина, стремление не упустить выгодный момент для очередного удара, наносимого оппоненту или противнику. В ходе этой борьбы противники многократно меняли свои позиции — раскалывались и объединялись, переходили от беспредельной преданности к предательству своих лидеров, обретали поддержку общественного мнения на одном этапе, чтобы мгновенно ее растерять на следующем, предпринимали попытки действовать в нужном направлении, но, столкнувшись с первыми трудностями, быстро и радикально меняли курс. При этом они не забывали обвинять друг друга, с тем чтобы объяснить самим себе и обществу постигшие их неудачи.

Весь этот политический ландшафт представлял собой такое состояние политического пространства, которое следует охарактеризовать как *доминирование демонстративной иррациональности*.

Все дело в том, что на рациональность политического действия, равно как и на мысли, никто и не претендовал. Рациональность предполагала бы осмысленную вербализацию целей политики, осмысленную настолько, чтобы эти цели можно было бы объяснить населению, людям, электорату. Она предполагала бы опору на некоторую совокупность общепризнанных ценностей, т.е. некоторый ценностный консенсус. Она предполагала бы далее последовательность и настойчивость в достижении сформулированных целей. Но в политической практике ничего этого не наблюдалось. Наиболее адекватной формулой десятилетия стала фраза премьер-министра В.Черномырдина: "Хотели как лучше, а получилось... как всегда", в которой выражена неадекватность декларируемых целей и результатов экономической и социальной политики.

Следующая характеристика уходящего десятилетия состоит в том, что формирование нового правящего (политического и экономического) класса происходило при опоре на сравнительно узкий социальный слой, который можно было бы назвать *активным меньшинством*. С помощью правительственных мер создавалась привилегированная группа людей, получивших в ходе приватизации благоприятные условия доступа к общественным ресурсам, лицензии и льготы на внешнеторговые операции. На первом этапе в официальной

доктрине реформ провозглашался в качестве опоры власти средний класс. Практика экономических мероприятий правительства самым решительным образом разошлась с этой доктриной. Это и стало основным рычагом формирования узкого слоя олигархов, который вступил в борьбу за доминирование на поле политики. Такой поворот дела обернулся угрозой коррупции во всех звеньях и структурах государственного аппарата. Все отношения в обществе оказались окрашенными в цвета теневой экономики. Соккрытие доходов и двойная бухгалтерия стали нормой, а не девиацией.

Что касается *большинства населения* (в определенном смысле "общества"), то для него либеральные реформы обернулись резким снижением жизненного уровня, социального статуса, ограничением жизненных потребностей и ущемлением интересов.

Основанием обнаружившейся демонстративной иррационализации стал возникший в ходе реформ *разрыв между обществом и властью*. Новый политический класс все в большей мере стал ощущать свою самодостаточность¹. Он стал реальным субъектом построения особого мира, в котором политический капитал, возникший вначале как капитал доверия, быстро превращался в такие ресурсы, как недвижимость и государственные ценные бумаги, обретение жилья и связей в столице, деловые поездки за рубеж и на отдых на престижные курорты, заграничное образование для детей и внуков и т.д. Обмен политического капитала на ресурсы личного благосостояния стал основной реальностью, с которой столкнулся политический деятель новой России. И он стремится не упустить представившиеся возможности, инстинктивно чувствуя их недолговечность.

Следующий компонент, составляющий демонстративную иррациональность политики, заключается в отношениях внутри правящего класса. Последнее десятилетие характеризовалось не только высокой степенью социальной дифференциации², но и *крайней неустойчивостью состава политической элиты*, особенно ее высшего эшелона. За годы ельцинского правления сформировался стиль политического фаворитизма, сопряженный с быстрой сменой ближайшего окружения президента. Руцкой — Хасбулатов, Бурбулис — Гайдар, Коржаков — Барсуков, Чубайс — Дьяченко, Юмашев — Волошин и иные пары стали символическими обозначениями меняющегося политического пространства с неопределенным вектором изменений. Смена этих лидеров политического истеблишмента не сопровождалась какой-либо рациональной аргументацией. "Общество" же не без оснований воспринимало эти изменения как

---

¹ "Посттоталитарная история политической деятельности в России — это история эмансипации политических отношений, их освобождения от "идеологических" и экономических отношений". (Качанов Ю. Указ. соч. С. 8.)

² Об этом см.: Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.

симптомы продолжающейся борьбы за власть и влияние в самом центре власти, который представлялся все более неустойчивым и ненадежным. Эти неустойчивость и неопределенность подкреплялись свидетельствами, подрывающими авторитет высшей власти в стране, которая демонстративно пренебрегала задачей конструирования публичного образа власти¹. Политический режим оказался паллиативом демократического (в смысле "всенародного избрания") президентства и постоянно демонстрируемого "самодержавия", которое должно было бы опираться на дореволюционную российскую традицию.

Еще раз обратим внимание на конфронтационность как специфическую черту последнего десятилетия. Тем Карфагеном, который должен быть разрушен в результате преобразований, был тоталитарный режим, а главным врагом — советский человек. Исторический образ России и СССР, предложенный А.Солженицыным², был с готовностью воспринят официальными структурами и средствами массовой информации. В качестве доминирующей возникла тема "*двойного реванша*" (по отношению к сталинизму и по отношению к революции). Можно утверждать, что в это десятилетие идеология белого движения времен гражданской войны одержала верх над идеологией красных. Система образования стала ориентироваться на исключение советского периода из российской истории и политики, что стало средством архаизации образа России. Само понятие "Россия" заняло то системообразующее место, которое ранее в политическом дискурсе играли такие понятия, как социализм и капитализм. Были предприняты попытки интерпретировать российскую национальную идею в духе знаменитой уваровской триады. Постепенно стали подступать и к размыванию значенности победы СССР в Великой Отечественной войны, главным образом опираясь на тезисы, приравнивавшие сталинизм и фашизм друг другу. Сложнейшие исторические процессы, пережитые российским и советским обществом в XX в., пытались объяснить тремя словами (демократия, тоталитаризм и борьба за власть), доводя до крайности примитивизацию объяснительных схем и формул. А

---

¹ Проследивая основные этапы правления Б.Ельцина, Л.Шевцова выделяет 1994 г. в качестве начальной точки деградации режима. "С конца 1994 г. президент предстал перед всеми как человек, который не хотел прислушиваться к голосу разума. Все увидели замашки самодержца, нежелание признавать ошибки и упрямое стремление идти до конца... Поведение Ельцина смущало многих даже в его собственном окружении. Пугало несоответствие между огромной властью, которой он обладал, и его невоздержанностью, неспособностью быть адекватным..." (*Шевцова Л.* Указ. соч. С. 187-188). Можно сказать, что главная особенность Б.Ельцина как политика состояла в огромной разнице между отношением к власти тогда, когда за нее надо было бороться, и тогда, когда победа в этой борьбе уже одержана. Его личные качества оказались в совокупности своей неадекватными тем функциям, которые проистекали из позиции главы государства.

² См. интересный анализ роли этого автора, предложенный Д.Б.Цыганковым: *Цыганков Д.Б.* "Властитель дум" в поле политики: Опыт соцанализа // Социс. 1999. № 1.

главный смысл этой трансформации сознания состоял в том, что вся интеллектуальная энергия концентрировалась в области задач разрушения прошлого, но отнюдь не созидания новых общественных отношений. Предполагалось, что эти отношения сложатся сами собой, поскольку рынок и демократия — якобы естественные свойства нормального общества. Активное меньшинство построит соответствующие институты в интересах общества, а те, кто не сможет приспособиться к этим институтам, выпадут в *underclass* (в нищету), "куда им и дорога".

Важным основанием рациональной политики во всяком обществе является интерпретация национальных (общегосударственных) интересов. На первом этапе демократических преобразований приоритет общенациональных интересов России был подорван общим кризисом государственных институтов и учреждений. В связи с этим идея национальных интересов как интересов общегосударственных была изъята из обращения. На этом этапе интересы России рассматривались как противостоящие интересам СССР, а *внутренняя и внешняя политика строилась на противопоставлении всему советскому*: там была экономика, основанная преимущественно на планировании, — здесь должна быть экономика свободной игры рыночных интересов (именно так понималась экономическая свобода); там был военно-промышленный комплекс — здесь должна быть полная остановка военной промышленности и конверсия; там был Варшавский договор как основа военного могущества социалистического лагеря — здесь все войска должны быть выведены с территории соседних государств, и немедленно, "под приплясывание" Президента, без учета того, где и как люди будут жить и работать; там была напряженность в отношениях с Западом — здесь министр иностранных дел должен был быть "западным министром" (так охарактеризовал свою позицию бывший министр иностранных дел России А. Козырев в одном из выступлений по телевидению в апреле 1999 г.). Разумеется, советская система обладала многими пороками (особенно с точки зрения тех критериев, которые воспринимаются сегодня в качестве "нормы"), но она создала мощные стимулы развития общества и каналы социализации личности, действенные для своего времени¹. Речь идет не об оправдании ГУЛАГа, а об уважении к памяти нескольких поколений людей, для которых "строительство социализма и защита Родины" были содержанием их жизни.

Наконец, одна из основных коллизий, которую никак не мог рационализировать политический режим 90-х годов, состояла в

---

¹ Попытки преодолеть "тоталитарный синдром" при анализе проблем советского общества см. в публикациях: *Козлова Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: (Голоса из хора). М.: РАН, 1996; *Ионин Л.* Свобода в СССР. СПб., 1997; *Волков В.* Советская цивилизация как повседневная практика... // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.

несоответствии демократических деклараций и практики применения насилия. Эта коллизия проявилась прежде всего в развертывании чеченского кризиса, инициированного во многом российскими властями.

Кризис государственности самым непосредственным образом задел силовые структуры новой России. Статус военного человека кардинально изменился вместе с мотивацией военной службы. Огромную роль в этом кризисе сыграли изменение финансирования и материального обеспечения воинского контингента. Офицерский корпус не только сокращался, но и был поставлен перед необходимостью приспосабливаться к рыночным условиям. В начале 90-х годов в стране возник неконтролируемый рынок оружия. В то же время законное применение насилия ради поддержания правопорядка утрачивало легитимность, и использование силы передавалось в руки вновь создаваемых (в соответствии с вновь принятым законом) частных охранных структур. Неоднократные изменения названий и статуса общегосударственных силовых структур, частые кадровые перемещения создавали обстановку весьма слабой управляемости армии, милиции, органов государственной безопасности.

В этих условиях естественным образом возникла концепция необходимости "малой войны", которая должна была приостановить распад силовых структур и восстановить престиж армии. Эта потребность без особого труда превратилась в идеологию защиты целостности российского государства, которая в 1993-1994 гг. блокировала возможность переговоров с руководством Чечни. Чеченский кризис 1995-1996 гг. идеологически был обоснован не только сепаратизмом чеченских лидеров и амбициями Д.Дудаева, он опирался на своеобразную трактовку российских национальных интересов. По сути дела, чеченская война была результатом кризиса российских силовых структур¹.

Далее применение насилия как средства разрешения политических конфликтов стало превращаться в самостоятельный фактор политики, что и сказалось в последовательном выдвижении трех руководителей силовых структур (ФСБ) на пост премьер-министра страны. Но вместе с тем этот фактор стал весьма важен и для

---

¹ Начало военных действий в Чечне в 1994 г. — один из наиболее ярких примеров иррациональной политики. Вот суждение по этому вопросу Л.Шевцовой: "Какими же мотивами руководствовался Ельцин и его соратники, принимая решение о войне? Здесь мы вступаем в область предположений. Может статься, что, как обычно, мы попытаемся найти в ельцинской политике логику, осознанные мотивы, последовательность ходов, интересы определенных сил, а на самом деле все было гораздо проще и даже примитивнее. То, что порой воспринимается как повод и причина, на самом деле было спонтанной реакцией, следствием настроений, вспышкой эмоций, попыткой самоутвердиться, отражением незнания и непонимания реальной ситуации и возможных последствий принимаемых решений. Но еще больше в этом было смещения конъюнктурных и частных интересов, несогласованности решений и обычного разгильдяйства и недомыслия". (Шевцова Л. Указ. соч. С. 179-180.)

общества. Усиление роли "силовиков" в политике означает коррекцию вектора демократии в сторону военизированного стиля управления и авторитаризма.

Еще одна составляющая иррационализации поля политики в России состоит в архаизации образа страны. Основной пафос здесь связан с попытками восстановить монархически-православную систему ценностей как якобы присущую России в силу ее особого менталитета или геополитического положения. Демонстративные акции политиков обозначают ожидаемый вектор развития: церковь будет важной составляющей нового политического режима. Предполагается, что таким образом будет обретена ВЕРА в качестве основания нравственных устоев и препятствия на пути коррупции чиновничества и криминализации общества. Здесь также наблюдается переход к крайностям: вместо атеистического государства советского периода предлагаются религиозные основания государственной политики. Российская политика не желает идти и в этом случае средним путем, т.е. путем строительства светского государства при отделении школы и всей системы образования от церкви.

Таким образом, мы рассмотрели основные аспекты иррационализации политической реальности. Анализ позволяет сформулировать ряд выводов, предостерегающих от ошибок недавнего прошлого.

Заключение: о некоторых уроках десятилетия

Примечательным для конца десятилетия оказалось возникновение некоторой новой тенденции в умонастроениях россиян, которая зафиксирована в нескольких репрезентативных опросах. Речь идет о возникновении некоторой надежды на ближайшие перспективы. С 1992 по 1998 г. индекс надежды на каждый последующий год, фиксируемый в конце уходящего года, колебался от 13 до 20%, надежда на 2000 г. подскочила до 28%. Несколько уменьшился индекс усталости и безразличия, страха, растерянности и озлобленности¹. Данные ВЦИОМ подтверждаются и результатами опроса, проведенного РНИСиНП. Согласно этим данным, в конце 1999 г. — с октября по декабрь — доля респондентов, испытывавших страх и отчаяние, уменьшилась более чем в 3 раза и увеличилась доля, испытывавших эмоциональный подъем². Это еще не перелом настроений, а лишь некоторые признаки позитивных сдвигов, которые желательно было закрепить. Эти эмоциональные состояния представляют собой фон, который несомненно проникает в поле политики. Появляется возможность, опираясь на фактор надежды, рационализировать отношения между властью и обществом. Разумеет-

¹ (http://www.wciom.ru/EDITION/Levada_stat.htm (20.01.2000)).

² Горшков М. Граждане России об итогах 1999 г. и надеждах на 2000-й // Независимая газета. 2000. 14 янв.

ся, это только возможность, реализация которой будет в значительной степени зависеть от того, насколько успешным окажется преодоление иррациональности ельцинского политического режима.

Опираясь на опыт наших коллег¹, попытаемся сформулировать ответ на вопрос: "В чем же состоят главные уроки уходящего периода?"

1. Прежде всего, на наш взгляд, должно быть отчетливо продемонстрировано в высших эшелонах политической власти стремление к рационализации российской ситуации, особенно в вопросе о взаимоотношениях Власти и Общества. Необходимо продемонстрировать ясность политической воли, основанной на понимании России как части мирового сообщества и Европы. Ввести в политический оборот понятие "интересы России" в смысле общегосударственных интересов, сопоставляемых с интересами других стран и государств. В то же время ни в коей мере нельзя допускать фетишизации России и иррационализации в трактовке ее национальных интересов. Умение провести эту линию в жизнь — предпосылка восстановления доверия общества к государству и власти.

2. В политической практике необходимо исходить из того, что преобразования, начавшиеся в середине 80-х годов, еще не закончены. Возврат к прошлому исторически невозможен, а критерием успеха реформ должен стать только рост экономики (на основе рыночных отношений) и благосостояния всей массы российского населения, а не отдельной его части.

3. Было бы ошибкой предпринимать меры, направленные на радикальный пересмотр политического курса, сформировавшегося в ельцинскую эпоху. Политическое развитие страны должно осуществляться в конституционных рамках, имея в виду и то, что Конституция РФ также может корректироваться.

4. Необходимо скорректировать отношение к прошлому — прекратить огульное охаивание собственной истории, легитимировать Октябрьскую революцию на основе признания ценностей обеих сторон, участвовавших в гражданской войне, отказаться от идеологии реванша по отношению ко всему советскому периоду российской истории, бережно относиться к памяти тех, кто пал на полях сражений в Великой Отечественной войне, признать наконец, что горбачевские реформы создали мощные предпосылки для последующих преобразований.

5. Свести к минимуму применение вооруженных сил в разрешении политических конфликтов и противостояний. Особое внимание

---

¹ И.Клямкин и Л.Шевцова в 1998 г. предложили всем политическим партиям накануне выборов 1999 и 2000 гг. заключить "Пакт о согласии" (см.: *Клямкин И., Шевцова Л.* Внесистемный режим Бориса П. Некоторые особенности политического развития постсоветской России. М., 1999. С. 45-46). Н.Е.Покровский сформулировал семь базовых нравственных принципов, вокруг которых общество могло бы консолидироваться (см.: *Покровский Н.Е.* Указ. соч. С. 13-15).

обратить на двойственный характер того ресурса, который создан и использован в период преодоления чеченского кризиса. С одной стороны, необходимо признать подвиг российских воинов в этой войне, с другой — отдавать себе отчет в опасности тенденций к милитаризации и авторитаризму, представляющих собой реальную угрозу демократическому развитию страны. В целях преодоления этого конфликта необходима поддержка переговорных практик и институтов, включая феминизацию политического класса в российском обществе.

Обратить внимание на выработку правил экономического и политического поведения представителей политического класса страны. В решении этой задачи важна не только законодательная деятельность, но и нравственный пример со стороны высших лиц в руководстве страны. Особенно важно постоянное внимание к конструированию позитивного образа власти в общественном мнении.